

ВАЛЕРИЙ МАКСИМОВИЧ

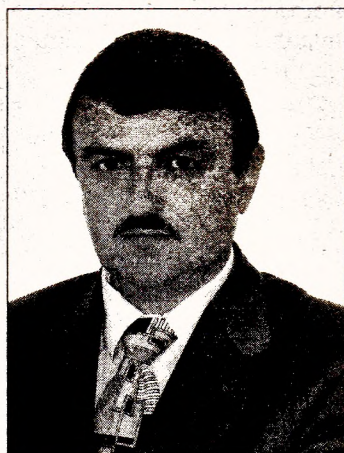
Путь согласия, гармонии и правды

Творчество Янки Купалы начала XX века — это воплощение свободолюбивых устремлений народа, это призыв к равенству и братству, соединенные с непреодолимой верой в силу и нерушимость народных святынь, народного духа на пути к лучшей доле, к национальной и государственной независимости.

Вместе с тем «в условиях национального возрождения становление белорусской «изящной словесности» было делом не только внутрилитературным, но и всеобщим, — как верно замечает Т. Чабан («Нарысы па гісторыі беларускіх літаратурных сувязей»). — Высокое идейное и художественное достоинство литературы свидетельствовало о жизнеспособности языка, национальной культуры, духовной жизни народа. С другой стороны, при почти полном отсутствии других форм культурной жизни, литература приобретала универсальный характер, воплощала и концентрировала все многообразные проявления национальной духовности».

Чрезвычайно важно было художественным словом расшевелить, пробудить дремлющее сознание народа с тем, чтобы установить с ним духовный контакт, призвать к общению, к совместному поиску путей в светлое будущее. Выработка национального идеала являлась веянием времени, объективной исторической закономерностью. Только совместными усилиями, при условии консолидации общества, можно было достичь цели. И не случайно на встрече с представителями творческой интеллигенции А. Г. Лукашенко, в частности, отметил, что «страну можно назвать по-настоящему сильной, если ее жители объединены не только географически, но и духовно. Если граждане осознают и разделяют фундаментальные идеи и ценности общества» («Беларуская думка», 2004).

На заре XX столетия, когда Беларусь исподволь начала заявлять о себе словами ее поэтов, Я. Купала в стихотворении «Малая Беларусь» («Гэй ты, гэй, Беларусь, малая старонка...», 1909) пророчески предвещал скорую независимость белорусскому государству, которая поднялась «не з вясёласці яснай, не з ясных палацаў, / А з канаючай крыўды ў пахіленай хатцы, / Вызываная праўдай, таптанай, жывой...» Желание наполнить сердца людей «гартам, надзеяй», показать «ім жыцця іх праўдзівую зару», помочь им выйти из лабиринта беспросветности, многовекового упадка и забвения, пробудиться от летаргического сна, беспомысленности и безнадежности было главным внутренним содержанием творчества поэта. Купала с самого начала работы на ниве белорусской культуры осознавал, что только глубокое, искреннее и честное, живое слово сможет всколыхнуть в народе «спячы дух», сделать попытку — пусть пока и не такую смелую и решительную — что-нибудь изменить-переиначить в своей судьбе, в самом образе жизни. Каждый из литераторов, как можно судить по сюжету произведений, осознавал необходимость формировать идеал нации, соединенный с верою в правду,

в завтрашний день. Так, в одной из своих статей М. Богданович горячо убеждал, что «не жалость, не дешевая милость помогут измученному и больному сердцу белоруса: внимание, доверие, уважение к его гражданским правам, человечность — это лучшее лекарство от многих болезней. Знайте только: не жалости, а правды хочет от вас наш народ!»

Разумеется, понять душу народа можно было только направив внимание на осмысление глубинных, взаимосвязанных и взаимозависимых, часто довольно непростых, противоречивых общественных процессов, а также межличностных отношений. Произведения того времени на страницах «Нашей Нивы» и других белорусских изданий свидетельствуют о том, что их авторы, освещая этапы духовного пробуждения человека, не могли обойти вниманием те не очень приятные моменты, которые касались «выяснения *первооснов духовности* — того стержневого мотива, что определяет человеческое в человеке» (В. П. Жураўлёў. «Актуальнасць традыцый: Якуб Колас у пісьменніцкім асяродку»). В попытке докопаться до первопричин «крыўд и бед» было стремление честно подойти к освещению тех явлений, которые выступают препятствием на пути духовного обновления. За ними — суровая правда жизни как она есть, и вместе с тем неотступная вера в животворящие криницы народного духа, в мудрость народа, в правильность его извечного мучительного поиска истины, добра, справедливости: «*У народ і край свой толькі веру / І веру ў самога сябе*». Эти купаловские слова как нельзя лучше демонстрируют его поэтическое и гражданское кредо, внутренне-стержневую уверенность в бессмертности и животворности духа народа.

Купала осознавал, что литература должна служить духовному пробуждению и национальной консолидации, поэтому основная его забота была в том, чтобы создать надежный «грунт», фундамент, ту духовную основу, на которой была бы сведена в одно и надежно держалась осознанная белорусскость в едином ритмобииении сердец. Вот почему такими значимыми в словесной палитре Купалы того времени были слова и выражения «*грамадзянская згода*», «*супольнасць*», «*згода*», «*братства*», поэтические императивы «*любімосць, мае суседзі*», «*кіньма сваркі, звадкі*» — («*Любімосць, мае суседзі*»). В стихотворении «*Навагоднія жаданні*» (1908) Я. Купала прямо указывает на те конкретные причины-препятствия, которые на протяжении столетий не давали реализоваться извечной людской мечте:

Сваркі, звадкі не раз былі згубай для нас,
Разлучалі са шчасцем, з свабодай...
Хай жа з Новым Гадком новы бліжыцца час,
Брацтва, роўнасць, супольнасць і згода!

В стихотворении «*Малая Беларусь*» («*Гэй ты, гэі, Беларусь, малая старонка*», 1909) Купала также рисует оптимистическую картину будущего национального мироустройства:

Грамадзянская згода, супольнасць загосце,
Аж успешацца прадзедаў цені і косці,
Слоў унука не зглушыць ніякі прымус,
Што ён роднай зямлі верны сын, беларус.

Литература и искусство на протяжении долгих веков стремились найти ту созидательную интеллектуальную и духовную силу, которая указала бы путь к внутреннему просветлению, привела к ослаблению конфликтности и конфронтации в любых проявлениях, позволила бы прийти к согласию и взаимопониманию между людьми. При выборе путей решения сложных жизненных задач художественное слово было призвано помочь сохранить стержневую внутреннюю устойчивость и уверенность в успешном преодолении возможных трудностей и препятствий. В данном случае именно критический подход, «критический ум», по словам В. Журавлева, «могут быть для человека очень действенным и

серьезным средством и гарантом самозащиты от различных случайностей, и в первую очередь, — от сильного, негативного влияния на него замаскированной и загримированной в формы добра и правды иллюзорной идеи, что таит в себе для слабо подготовленного сознания и излишне доверчивой, наивной души большую опасность легко принимать «на веру... шаблон пустых слов, пустые выражения, чужие формы мыслей и чужое содержание их».

В. Журавлев подчеркивает, что обновление, пробуждение духовных и творческих сил человека было внутренней необходимостью, одним из реальных условий успешного и полноценного выполнения литературой своей функции еще в начале XX века. Эта линия последовательно проводилась «Нашей Нивой». «Исходя из идеи формирования гражданского единения, — отмечает М. Рагойша, — «Наша Нива» призывала читателей бороться с пассивностью и инертностью, безынициативностью, выступала против социальной разобщенности нации, индивидуалистической личной замкнутости, призывала к солидарности, взаимной поддержке белорусов друг другом».

Эпоха национального возрождения объективно воспринималась, трактовалась в широком общекультурном контексте, и перед литературой стояла задача выстроить привлекательную модель новой культурно-духовной традиции, национальной идеи, что имела бы бесспорное право на жизнь. Важно было «модернизировать», актуализировать историко-культурные и эстетические комплексы, придать им позитивное звучание с тем, чтобы они приобрели статус своеобразной национальной доктрины, определенного гражданского кодекса, который бы стимулировал и поддерживал жизненный и исторический оптимизм народа. Литературному же творчеству отводился особый — пророческий — статус и значение, а художнику, соответственно, роль мудрого властителя народных дум, пророка, певца-провидца, который берет на себя ответственность за судьбу народа. Разговор, по существу, шел о новом типе писателя, который может указать путь к «новой жизни», «новому слову», что в контексте имело огромный жизнеустроительный смысл.

Общей платформой, на которой происходил философско-мировоззренческий поиск национальной идентичности, становится все духовное состояние человека: его бытийный статус, ментальность, принципы световосприимчивости и т. д. Другими словами, приоритет национального, поиск собственной сущности становится порукой вхождения в мировое пространство. Необходимость поиска маркеров «национальной отдельности», раскрытие характера, психологии личности были обусловлены в большой степени и тем, что, по убеждению одного из деятелей белорусского возрождения Ю. Верещаки (В. Ластовского), «этот особый характер и психология создают национальную идеологию. Идеология бывает всегда национальная, ибо она, как вкус в ягодах винограда, возникает из состава климата и психологии людей. Идеология, — подытоживает свою мысль автор, — это сумма идеалов, которые нация или (отдельный человек) держит в своей голове, носит в своем сердце».

И в начале своего творческого пути Я. Купала, взяв курс на культурно-духовную консолидацию нации, на укрепление идеи о самостоятельном историческом пути, на возрождение романтического пафоса, стремился привить чувство личностного и национального самоутверждения.

Пакіньма напушта на лёс свой наракаць,
Скрозь слёзы скаргі сеяць па зямлі,
Нам трэба жыць і долю папраўляць,
Каб нас патомкі з часам не клялі.

Блудныя сцежкі цёмнага жыцця
Навукі сонцам мусім расвятліць,
Каб мы і наша ў прышласці дзіця,
Не блудзячы, маглі свой век дажыць.

Штандар свабоды хай вядзе ўсіх
У свет на бітву з цемрай і са злом,
А гікі грозьб мучыцеляў глухіх
Глушымя вольнай песні перуном.

Навукай, воляй зможам стогн бяды,
Засеем долю на роднай зямлі,
І зажывём пшчасліва мы тады,
Як прадзеда век нашы не жылі.

Как видим, в приведенном стихотворении Я. Купалы ярко присутствует мысль просвещения как действенного средства борьбы «з цемрай и са злом». У Купалы сильным было желание объединить людей, пробудить в них жажду сопричастия, окрылить надеждой и верой в лучшую долю:

Пойдзем, узяўшы за сцяг свой і роўнасць, і згоду,
Жыцця лепшага покуль не знойдзем,
Пойдзем, пойдзем сабе здабываці свабоду,
Як адзін, як адзін дружна пойдзем!

В русле возрожденческой тематики, в которой ярко выражена оптимистическая модель бытия, идея преобразования, написано и стихотворение «Сваякам па гутарцы». Поэт прибеж в нем — в пределах романтической концепции национального мифа — к средствам декларативно-публицистическим, риторическим с целью усилить утверждающее начало жизни:

Шлю вам песняй, братнім словам
Здароўканне, людзі:
Не гасіце веры, што вам
Жыцця лепей будзе.

Вы не зломкі, вы не зноскі,
Вы народ магучы:
Ваша панства — вашы вёскі,
Пан ваш — труд жывучы.

.....
Дык хай жа вас не асіле
Зверства непагоды,
Распусціце сваё крылле,
Як і ўсе народы.

Рухне крыўда, праўда ўстане,
Ворагаў адстраша,
Будзе долі панаванне
На зямлі на нашай.

Сторонник и продолжатель мицкевичского романтического идеала свободы, романтического пафоса вообще, Купала не представлял своего героя исключительно как существа социально и общественно ангажированного, а стремился раскрыть богатый внутренний мир современника в его бесконечной сложности. Селянин (мужык) как представитель народа выступает у него носителем, с одной стороны, инертности, неприязнательности, покорности судьбе, а с другой — духовности, красоты, свободы, пробуждения духа вообще.

Главная забота Я. Купалы была направлена на то, чтобы раскрыть силу, оригинальность и неповторимость истинно национального духа, убедить читателя в том, что человек дорог не своей безликой космополитичностью, а прежде всего как представитель своего национального этнополиса. Концепция личности у Купалы прошла определенную эволюцию, «определенную», потому что на это были свои причины. Замечено, что купаловская творческая манера заявила себя

сразу же, с первых шагов в литературе. «В ранних стихотворениях Я. Купалы, — утверждает А. Лойко в книге «Гісторыя беларускай літаратуры. Дакастрычніцкі перыяд», — проявлялись почти все особенности Купалы-лирика». Другое дело, что не все из написанного смогло войти в первый купаловский сборник «Жалейка» по разным причинам (в большинстве — объективного характера). Существенным представляется замечание А. Лойко об идейно-композиционном построении сборника: «В «Жалейке» не один, а два центральных образа. В этом именно и отличие «Жалейки», что из одних ее стихотворений возникает образ только селянина, а из других — только певца». Действительно, при всем том, что своеобразной чертой сборника служит наличие анафорического «я» («Я не паэта», «Я мужык-беларус», «Я бачыў...», «Я не сокал...»), происходит деперсонализация поэтической личности. Близка духовно Купале и эволюция философского крыла русского романтизма: от романтического идеализма, который «мыслит человеческую личность в прямом взаимодействии с абсолютным началом за пределами действительности, к «романтическому гуманизму», когда на первый план выступает уже не ценность «избранной» личности, но *ценность личности вообще, каждой человеческой личности* (выделено мною. — В. М.)». (Л. Гинзбург. «О лирике»). Своей «Жалейкой» поэт открыл, по существу, новый поэтический лад, которого еще не знала белорусская литература XIX столетия. Поэтизация материального мира, поэтика обыденного, расширение сферы поэтического — все это приметы искусства, рожденного виденьем художника эпохи, которую Купала во многом опережал. У Купалы поэт — прежде всего представитель своей национальности, своего народа. Он позиционирует себя не иначе, как поэтом сеятелей и пахарей — людей, которые добывают хлеб свой «с мозоля». Недаром в его поэтическом лексиконе столько «трудоемких» обозначений крестьянского труда, поэтических свидетельств тесной сопричастности земным заботам: *мазалиста жменя, бацькоўскія гоні, загон зямелькі чорнай, поле роднае* и т. д. Следует при этом отметить, что идейно-художественной позиции Купалы всегда был чужд абсолютный эгоцентризм — обращенность в себя. Как и для его предшественников (в первую очередь для Ф. Богушевича), носителем и выразителем новых идеалов для Купалы становился человек из народа — известный прием, к которому литература обращается в период укрепления национального единства — образ селянина, вбирающий в себя «идеологию» нации в условиях политического и национального угнетения.

Всю идейно-образную ткань поэзии Купалы пронизывает одна магистральная идея — самобытность человеческой сущности белоруса, дающая ему право на свое место в мировой общности: *«І беларус можа змясціцца, / У сям'і незлічонай славян»*. Эта идея содержится во многих стихотворениях певца. Так, в стихотворении «Аўтарцы “скрыпкі беларускай”» данная мысль доминирует, в чем убеждает следующая кульминационная строфа: *«Беларуса й яго жонку / Называеш ты людзьмі, / Беларусь, яго старонку, / Славіш песнямі сваймі»*.

Идея возрождения связана не с единичными, исключительными фактами, она далеко не персонализирована, а исключительно адресная. *«Нас восем мільёнаў!»* — с гордостью заявляет поэт в стихотворении «Загляне сонца і ў наша аконца», осознавая и себя частичкой большой человеческой общности. Это — важное слагаемое идейно-художественной системы Купалы, что свидетельствует в свою очередь об отступлении поэта от классических канонов романтизма.

«Лиризация белорусской поэзии, переход от «жалейковой всеобщности» к «лирике персонально-психического» (Г. Березкин) кроме чисто литературных, эстетических задач несли в себе и цель социальную, гуманистическую: «Я — мужик», «Я — человек», «Я — личность» — этот тезис не только утверждался в поэтических лозунгах и декларациях, но и конкретно воплощался в раскрытии богатого, многогранного духовного внутреннего мира крестьянина («Нарысы»). Доказательством тому может служить и хорошо известное раннее стихотворение Купалы «Мужык», отмеченное утверждающим пафосом, герой

которого при весьма скромном социальном статусе не теряет чувства самоуважения, человеческого достоинства и полон решимости обрести право быть полноправным субъектом человеческой общности: «*Ніколі, браткі, не забуду, / Што чалавек я, хоць мужык*».

Литература брала на себя задачу художественного воплощения героя как истинного представителя нации, более того, представителя всего человечества. Красноречивым свидетельством тому могут служить и упомянутые выше и многие другие произведения поэта. Так, в стихотворении «*Песня і сіла*» Купала словоно выражает свой идеал гармонии, возможный через преодоление тех преград, которые не дают развернуться во всю мощь внутренним силам человека:

Дайце разгону, прастору
Дрэмлючым песням і сілам, —
Дрогне запор наймацнейшы,
Мы ўскальхнём і магілай.

Продка адвечную думу
Праўнук санлівы пачуе;
Што ўзяць курган нам маніўся,
На кургане адбудуем.

Шлях залаты працярэбім,
Зорна ўзнясёмся ў вышоты
Вышай няпраўды, няславы,
Вышай пакутных балотаў.

Моц сваю свету пакажам...
Здзіўляцца старцы і дзеці:
Што знача песня і сіла!
Што знача вельмі хацелі!

Кстати говоря, купаловская «*Песня і сіла*» очень уж напоминает богдановичскую «*красу и силу*». Эти слова воспринимаются не просто как поэтическая формула, знак наивысшего совершенства, гармонии, но, что не менее важно, освещают момент возвышения человеческого духа. Главную задачу поэт Купала видит в том, чтобы быть выразителем духовных поисков нации, пробуждать сознание людей, направлять их на путь согласия, гармонии, правды. Он осознавал действительное значение поэзии в жизни общества, особую роль художника, творца в социокультурном процессе. Произведения настоящего поэта — и это было кредо самого Купалы — должны быть чем-то большим, чем только фактом литературы. И это он доказал своим творчеством, своей жизнью. Все, что выходило из-под его пера, имело программную, идеологическую направленность. В одном из его программных стихотворений «*Песняру-беларусу*» (1909) определяется действительно титаническая задача, которую должен выполнить «*зямлі забытай пясняр*» во имя высшей сущности жизни:

Шчаслівы ты ці нешчаслівы,
Будзі сыноў сваёй зямлі,
Над беларускай соннай нівай
Нязгаслы светач распалі!

Глядзі — ускальшыцца, працнецца
Мільённы прыспаны народ...

Образ поэта у Купалы всегда сопряжен с идеей жертвенности, высокого служения родной земле, своему народу, Отчизне.

В стихотворении «*Паўстань...*» (1919), согласно И. Богданович, «образ нового мудрого властелина... выписан Купалой эмоционально и «геральдически», что

напоминает стиль монументального историзма. Фигура властелина вмещала в себе амплуа «пророка», «певца» и «воина», который встанет кровью из крови, костью из кости этого народа и выведет его «адбудаваць свой збураны пасаг».

Паўстань з народу нашага, прарок,
 Праяваў бураломных варажбіт,
 І мудрым словам скінь з народу ўрок,
 Якім быў век праз ворагаў спавіт!

Збяры ў адну ўсю Беларусь сям'ю,
 Вазьмі з яе прысягу і зарок,
 Што не прадасць сябе, сваю зямлю...
 Зняць пугы Бацькаўшчыны ўстань, прарок!

.....
 Паўстань з народу нашага, Ўладар,
 Адбудаваць свой збураны пасаг,
 Бо твой народ забыў, хто гаспадар
 І хто яго абдзёр з каронных шат.

На Ўладара жджэ Беларусь даўно,
 І жджэ цябе ўладарства Божы дар,
 Вялікае, магутнае яно...
 Пад беларускі сцяг прыйдзі, Ўладар!

Судьбоносные проблемы и задачи, напрямую связанные с самоопределением нации, постоянно находились в эпицентре творческой и чисто человеческой заботы Я. Купалы, будоражили беспокойное его сердце, обретали небывалый общественно-политический вес и остроту.

И сегодня следует сказать, что классики нашей литературы жили и творили с верою в завтрашний день, в счастливую долю народа, руководствуясь общенародным, общегосударственным интересом, избирая позицию созидательного диалога с жизнью. Обладая мощным духовно-интеллектуальным потенциалом, они были призваны историей стать бесспорными идеологами нации, выразителями ее духовных устремлений и задач преобразования и обновления жизни и приложили титанические усилия, чтобы Беларусь обрела «свой пачэсны пасаг між народамі», заняла свое достойное место в мировой цивилизации.

